

Королевство Цюй раскинулось на юге. Осенняя ночь выдалась на редкость прохладной; в вышине сияла полная луна, затмевая редкие россыпи звезд.

В беседке Наблюдения за Источником, что стояла в поместье Лунчжао, в одиночестве пил мужчина. Он осушал кубок за кубком, и после каждого глотка из его груди вырывался тяжелый вздох. Лунный свет, чистый и жидкий, словно вода, дрожал на чешуйчатой ряби пруда, очерчивая одинокий силуэт князя.

— Ваше высочество, — тихо, со всей осторожностью окликнул его старый слуга, вынырнувший из темноты галереи. — Время-то уже позднее...

— М-м, — безучастно отозвался Цюй Луныцзюнь, не отрывая взгляда от кубка.

— Да и хмель в таких количествах здоровью не на пользу... — со смесью жалости и робости пробормотал старик.

— М-м, — повторил принц и снова опрокинул кубок в рот. Стук доньшка о стол потонул в очередном глухом вздохе.

— Ваше высочество... Вы опять повздорили с молодым господином Е? — заметив угрюмый настрой господина, осторожно предположил слуга.

Цюй Луныцзюнь долго молчал, всматриваясь в темную гладь воды, прежде чем глухо произнести:

— Если бы мы могли просто поспорить... это было бы величайшим счастьем. — Он вновь покачал головой. — Глупец...

Принц вновь наклонил кувшин, до краев наполняя кубок.

— Хочешь обижаться — обижайся. Хочешь ненавидеть — ненавидь. Всякий твой каприз, любое своеобразие... я ведь потакаю тебе во всем. — В его голосе зазвучала горькая усмешка. — Хочешь ранить меня? Заставить страдать? Что ж, твое желание исполнено. Что еще мне сделать?

Пальцы Цюй Луныцзюня, сжимавшие кубок, заметно дрожали.

— Ты жесток и бессердечен. Мне с тобой не равняться.

Он выпил, со стуком опустил серебро на дерево и снова потянулся к кувшину.

— Господин, — дядя Ци шагнул вперед и мягко, но решительно накрыл ладонью его руку, не давая налить еще. — Любую беду можно уладить разговором. К чему же губить себя вином при каждой размолвке?

— Оставьте, дядя Ци. То, что ждет нас впереди, вам уже не исправить.

Старик нехотя убрал руку и со вздохом уставился на то, как принц опустошает очередной — бог весть какой по счету — кубок.

— Время и вправду позднее, да и роса ложится холодом. Возвращались бы вы в павильон Чистого Душистого Трутника, ваше высочество.

Цюй Луныцзюнь лишь слабо покачал головой.

— Тогда... в терем Сияющего Счастья?

В тереме Сияющего Счастья обитала принцесса-консорт Чжао. По всем правилам приличия это крыло считалось покоями самого князя, но при одной мысли о вздорной женщине у Цюй Луныцзюня внутри все переворачивалось от отвращения. Возвращаться туда? Кто знает, какую еще подлость выдумает эта самовлюбленная особа. В прошлый раз она уже добилась своего с помощью того кубка вина. Но если она надеется и дальше использовать его ради укрепления собственного положения во дворе — пусть и не мечтает!

Цюй Луныцзюнь горько усмехнулся. Даже если его Юань-эра больше нет рядом, этой женщине никогда не занять его место.

— Дядя Ци, вели прибрать в павильоне Приюта Луны. Сегодня я заночую там.

«В павильоне Приюта Луны?» — удивился старик. Там уже сто лет никто не жил.

Дядя Ци на мгновение замешкался, но спорить не посмел.

— Слушаюсь.

Поклонившись, он побрел прочь. Похоже, размолвка с молодым господином Е в этот раз вышла нешуточной. Раньше, как бы они ни повздорили, князь никогда не уходил спать в другое место. И пускай все поместье принадлежало принцу, слуги давно привыкли, что все личные вещи хозяина всегда находятся в павильоне Чистого Душистого Трутника.

«Эх...» — дядя Ци шел по длинной галерее, легонько покачивая фонарем, и тихо вздыхал про себя. Молодежь, горячие головы... Стоит случиться малейшей размолвке — и сразу летят искры. Неужели так трудно жить в мире и согласии?

В тереме Сияющего Счастья принцесса-консорт Чжао тоже еще не ложилась.

— Что ты сказала? — резко переспросила она.

— Его высочество велел подготовить Терем Приюта Луны. Он заночует там.

— Значит, в павильон Чистого Душистого Трутника он не пошел?!

— Да, госпожа.

— Но почему тогда он не явился сюда?! — Принцесса в ярости скомкала шелковый платок. — Ему проще наспех убрать в заброшенных покоях, нежели прийти ко мне?!

Это пренебрежение было равносильно звонкой пощечине.

— Госпожа... Сяо Синцзы, что сегодня дежурил в павильоне Чистого Душистого Трутника, шепнул мне, что его высочество действительно пробыл там весь день. Вот только едва подали ужин и затеплили светильники, как лекарь Е выставил его за дверь. И получаса не прошло!

— О? Вот это новости. Что еще удалось разузнать?

— После этого его высочество в одиночестве пил в беседке у пруда, а потом приказал спешно готовить Терем Приюта Луны.

Принцесса резко поднялась и принялась мерить комнату шагами, нервно теребя ткань. Выражение ее лица стремительно менялось.

— Сян Цяо, а ты, я погляжу, близко сошлась с этим Сяо Синцзы из павильона Чистого Душистого Трутника?

— Госпожа, пощадите! — Сян Цяо в ужасе рухнула на колени. — Ваша служанка никогда бы не посмела! Без вашего благословения я и шагу не сделаю, неужто я решилась бы на такой срам?

— Встань, глупая. Я ведь просто к слову спросила, — принцесса-консорт ласково привлекла служанку к себе, помогая подняться. — Если у парня действительно серьезные намерения, в этом нет ничего худого. В этом огромном поместье ты — единственная, кому я могу доверять. Только на тебя и опираюсь. Со стороны все думают, будто моя жизнь — сплошной праздник, но кто знает, сколько слез я проливаю в этих стенах? Видно, доля у меня такая горькая... Одно не дает покоя: за собой тебя в эту кабалу утянула. Сердце кровью обливается.

— Что вы, госпожа! Не смейте так говорить! Мою жизнь спас ваш батюшка. Не вмешайся он тогда, меня бы продали в наложницы полуслепому старику — уж лучше сразу в петлю! То, что старый господин сжалился надо мной и приставил к вам, величайшая милость небес. Если в этом доме к вам холодны, то вашей вины тут нет. Во всем виноват этот проклятый лекарь Е! Приказывайте что угодно, госпожа, я все исполню. Лишь бы небеса сжалились над вами и подарили хоть немного покоя. Тогда и мне, вашей верной служанке, умирать будет не страшно...

— Сян Цяо...

В полумраке терема Сияющего Счастья две женщины обнялись и горько разрыдались.

Столкнувшись с несчастливym браком, мужчины и женщины ведут себя совершенно по-разному.

Мужчины с легкостью превращают свои невзгоды в разменную монету — в средство для поиска утешения на стороне. И, как показывает жизнь, этот прием безотказно действует на женские сердца. Стоит женщине заметить затаенную печаль во взоре мужчины, как ее тут же охватывает трепетное желание стать той единственной, кто залечит его душевные раны. Пробудившееся материнское тепло ослепляет ее, и в конце концов эта благородная спасительница сама не замечает, как превращается в очередной трофей в его постели.

Отвергнутые женщины не спешат искать утешения у чужого очага. Сперва они всеми силами пытаются вернуть супруга. Их методы могут быть нелепыми, а порой и вовсе обреченными на провал. Но даже если они все делают правильно, вернуть того, кто разлюбил, невозможно. Когда средства исчерпаны, женщина в отчаянии идет напролом. Статус законной супруги остается ее единственным щитом, последней хрупкой преградой, способной удержать чужую свободу. Она вцепляется в это призрачное право мертвой хваткой, надеясь сберечь хотя бы крупицу уходящей молодости.

Увы, в прежние времена мужья могли брать наложниц совершенно открыто, не опасаясь, что тайные интрижки лишат их состояния или повлекут за собой разорительный развод. В патриархальном мире борьба женщин за крохи счастья была неизмеримо тяжелее. Лишенные прав, лишённые уважения и поддержки закона, они были заперты в золотых клетках. Вся их жизнь вращалась вокруг одного-единственного мужчины, а весь их мир сужался до размеров шелкового ложа. Взирая на высокое небо из глубины внутреннего двора, они напоминали лягушек на дне колодца — беспомощных и бесконечно несчастных.

Этот пышный, но глубоко несчастный союз не был виной принцессы-консорт. Родители выбрали ей супруга, а супруг обрек ее на вечное одиночество. Всю ее судьбу от начала и до конца написали чужие руки. В ту суровую эпоху у нее просто не могло быть выбора. Из века в век разыгрывалась одна и та же драма: будь ты безродной крестьянкой или знатной госпожой, счастье у всех было одинаковым, но и горечь обид они делили поровну.

В конце концов, в людской природе заложен эгоизм — каждый в первую очередь думает о

собственных чувствах. Таким был Цюй Луныцзюнь, такой была принцесса, такими же оставались Е Юань и занявший его тело Цин И.

Настаивая на ночевке в павильоне Чистого Душистого Трутника, Цюй Луныцзюнь вовсе не покушался на покой лекаря Е. Ему лишь требовалось пустить пыль в глаза дворцовым сплетникам. Но эта едва заметная деталь, оставшаяся незамеченной простодушным Цин И, со временем запустит эффект бабочки, который обернется сокрушительным ураганом.

Предвкушение предстоящей верховой езды сыграло с Цин И злую шутку: всю ночь его терзали нелепые сны. Ему грезилось, будто он в самом пафосном тактическом камуфляже, но в дурацких домашних тапочках ползет по-пластунски сквозь грязь, а после затаился за углом в засаде. Проспав без задних ног, он даже не подозревал, что всю кричал во сне армейские команды на английском:

"Follow Me", "GO, GO, FIRE!"

Проснувшись поутру, он обнаружил, что лежит поперек кровати, развернувшись головой туда, где должны быть ноги.

Быстро собравшись и облачившись в дорожное платье, он уселся за письменный стол. Время шло, а Цюй Луныцзюнь все не появлялся. Цин И пытался читать, но строчки расплывались перед глазами; он то и дело нетерпеливо теребил пальцами переплет соседней книги.

Лишь когда солнце поднялось высоко над кронами деревьев, на пороге показался князь. В руках он держал лаковую шкатулку, обтянутую парчой.

— Ну что, братец, явился к обеду? — с напускным безразличием спросил Цин И.

— Спешешь? — прищурился принц.

— Да с чего бы? — фыркнул тот.

— Вот то, что ты просил. — Цюй Луныцзюнь опустил шкатулку на стол и откинул крышку.

— Ого! Ну вы даете, мастера! — Цин И бережно извлек из коробки тонкую палочку: прессованный графитовый стержень, плотно обернутый слоями бумаги на манер простого карандаша. — Я ведь только вскользь упомянул, что нужно смешать графит с глиной и обжечь, а ваши умельцы взяли и сделали!

Он с восторгом провел несколько жирных линий по чистому листу бумаги.

— Вот это умы! Недооценивал я предков, ох недооценивал.

— Мастеру пришлось попотеть и перепортить кучу материала, прежде чем вышло нечто путное, — улыбнулся князь. — Ну как, доволен?

— Еще бы! — Цин И размашисто, уверенным почерком вывел на бумаге свое настоящее имя: «Цин И».

Цюй Луныцзюнь наклонился ближе, разглядывая черные штрихи.

— Писать этой штукой... совсем не то же самое, что кистью. Почерк выходит иной, резкий.

— Конечно, разница огромная.

— В твоём мире все пользуются подобными вещами?

— Да, это куда практичнее. Носишь с собой в кармане и горя не знаешь. А кисти и каллиграфия у нас скорее для души, как изящное хобби.

— Хоть и непривычно глазу, но в твоих линиях чувствуется характер. Своеобразный стиль.

— Можешь сам попробовать. Говорят, у тех, кто уверенно владеет кистью, и карандашные наброски выходят на загляденье.

— По-твоему, у меня получится?

— Конечно! Накажи твоему мастеру изготовить побольше таких карандашей. Это же золотая жила! Если пустить их в продажу, мы озолотимся.

Цюй Луныцзюнь аккуратно сложил листок с именем «Цин И» и спрятал в широкий рукав. Он загадочно и едва заметно улыбнулся.

— Ладно, довольно разговоров. Я обещал научить тебя держаться в седле. Пойдем.

— Неужели? — Цин И невинно захлопал ресницами. — А я уж подумал, что мне все это пригрезилось.

— И все-таки ты сгорал от нетерпения, — усмехнулся Цюй Луныцзюнь.

— Да ни капли!

— Тогда идем, конюхи уже все подготовили.

В княжеских конюшнях Лунчжао содержалось шесть отборных скакунов. Цин И ничего не смыслил в породах, но его взгляд сразу выхватил великолепного вороного жеребца с белоснежной гривой и соловым хвостом. У него была точеная изящная голова на высокой изогнутой шее, сильные сухие конечности и тонкая лоснящаяся шкура. В лучах утреннего солнца его шерсть отливала благородным глянцем. Статный, горделивый красавец ни в какое сравнение не шел с унылыми клячами, которых Цин И привык видеть на экранах телевизоров. В этого великолепного зверя он влюбился с первого взгляда.

Завидев приближающегося господина в сопровождении лекаря Е, конюхи расторопно вывели двух оседланных коней. Одним из них оказался тот самый вороной красавец.

— Как его зовут? — зачарованно спросил Цин И и потянулся рукой к бархатной морде.

— Не спеши! — Цюй Луныцзюнь вовремя перехватил его руку. — Он тебя не знает. Если будешь так резко совать руки, только напугаешь зверя.

— Ой, — Цин И послушно отдернул ладонь. — А как тогда?..

— Вот так, — князь взял с деревянного подноса, который держал слуга, сочную дольку яблока. — Положи на раскрытую ладонь. Пальцы держи ровно, не сгибай, иначе прикусит.

Жеребец был огромным, выше человеческого роста. Заметив чужака, он насторожился, повел точеной головой и уставился на Цин И большими влажными глазами, шумно фыркнув. Стоило парню сделать робкий шаг вперед, как конь тут же слегка попятился. Цин И замер и медленно, плавно вытянул руку с угощением. Чуткие ноздри поймали сладкий яблочный аромат. Жеребец качнул головой, принюхиваясь, а затем осторожно потянулся к ладони. Убедившись, что незнакомец не замышляет дурного, он мягкими губами подцепил лакомство. От его горячего влажного дыхания ладонь приятно защекотало.

— А еще есть? — Цин И повернулся к слугам.

В своей прошлой жизни он держал пушистую белую персидскую кошку — характер у нее был прескверный и высокомерный. Захочет — соизволит подойти, а нет — так хоть засыпь ее отборной сушеной рыбой, даже ухом не поведет. Жеребец же, вопреки грозному виду, оказался на редкость покладистым и ласковым.

— Одной дольки пока хватит, — Цюй Луныцзюнь невольно залюбовался искренней, сияющей улыбкой юноши. — Кажется, ты ему приглянулся. Попробуй легонько погладить его по лбу.

— Угу, — Цин И робко коснулся лба коня. Черная шерсть была гладкой, точно шелк, под ладонью ощущалось ровное, сильное тепло живого тела. — Так как его зовут?

— Уцзюньли.

— Уцзюньли... Какое красивое имя, — Цин И провел ладонью вдоль крутой шеи к лопаткам. — Надо же, а здесь у него как будто крылья растут.

— «Ли» означает угольно-черную масть. наших коней этой породы зовут Небесными драконами. В народе поговаривают, будто у них под ребрами сокрыты крылья, позволяющие преодолевать тысячи ли за день.

— В лошадях я смыслю мало, но сразу вижу: конь выдающийся.

— Хочешь сесть в седло?

— Правда можно?

— Разумеется. Но будь предельно внимателен: для новичка самое главное — правильно сесть. Подойди ближе, я покажу... Хватайся за луку седла. Здесь есть железное кольцо, держись за него, чтобы не потерять равновесие. Теперь левая нога: упирайся в стремя только самым носком. Если Уцзюньли вдруг испугается и понесет, ты просто вылетишь из седла и пропадешь носом землю — отделаешься ушибами. Но если засунешь ступню целиком, нога намертво застрянет, и конь потащит тебя за собой по камням. Это смертельно опасно. Запомнил?

— Понял!

— Ну, пробуй.

Взобраться на спину Уцзюньли у Цин И получилось лишь с четвертой попытки. Оказавшись наконец в седле, он почувствовал, как кружится голова от высоты. Цюй Луныцзюнь шел рядом, неторопливо отдавая указания:

— Держи спину прямо, не сутулься. Упирайся носками в стремяна. Поводья держи крепко, но не перетягивай. Нужно повернуть налево — тяни левый повод, направо — правый. Захочешь остановиться — плавно, но уверенно натяни оба поводья на себя.

Сделав несколько робких кругов по просторному двору конюшни, Цин И освоился и почувствовал такой азарт, что ему безумно захотелось пустить коня в галоп.

— Даже не думай! — оборвал его порыв Цюй Луныцзюнь. — Сегодня твоя планка — шаг. Шаг и ничего больше.

— Да ладно тебе! Какая же это верховая езда? Мы просто тащимся как черепахи!

— Если Уцзюньли понесет на людной улице, ты со своими куцыми навыками его не удержишь. В лучшем случае конь покалечит прохожих, в худшем — убьет тебя самого. Тебе оно надо?

— Ну... и когда мне можно будет выехать в город?

— Когда научишься держаться в седле как подобает, тогда и выедем.

«Зануда!» — мысленно закатил глаза Цин И.

Делать было нечего. Пыхтя от досады, он послушно наматывал круги по тренировочной площадке, тоскливо похлопывая Уцзюньли по лоснящейся шее.

Вечером Цин И распластался на кровати без задних ног, пока Мань Юэ усердно массировал ему затекшую поясницу.

— Ох... — простонал парень в подушку. — Спина отваливается. Кто же знал, что сидеть на лошади — это такая адская работа?

— Так ведь вы, учитель, отродясь в седле не сживали, — подметил Мань Юэ, разминая напряженные мышцы.

— Хм. А почему прежний Е Юань не учился?

— Да вы же лошадей до смерти боялись!

— Серьезно?.. А мышей я тоже боялся?

— И мышей, и крыс. Вы вообще всякое зверье, у которого есть шерсть, десятой дорогой обходили.

Цин И лишь беззвучно уткнулся лицом в простыню. Ну и трусом же был этот лекарь!

Пока он предавался унынию, из коридора донесся знакомый глубокий голос Цюй Луныцзюня:

— Юань-эр!

— Мань Юэ, открой, — машинально скомандовал Цин И.

— Сейчас! — парень уже потянулся к засову, как его окликнули:

— Стой! Не надо. Если спросит — скажи, что я уже заснул.

— Хорошо, учитель.

За дверью слышался приглушенный разговор, шуршание одежд, а спустя минуту Мань Юэ вернулся в спальню, бережно сжимая в ладони крошечный флакон из белого фарфора.

— Что это у тебя? — приподнял голову Цин И.

— Его высочество передал целебную мазь для вас. Учитель, а вы разве где-то поранились во время прогулки?

«Где-где... в таком месте, о котором вслух не говорят!» — мысленно застонал Цин И.

Он забрал у слуги флакончик и страдальчески вздохнул, чувствуя, как горят натертые до крови бедра. Надо же, а этот Цюй Луныцзюнь оказался на удивление проникательным!

<http://bllate.org/book/20580/2131733>